

А.В. Михайловский

«Новое априори» Гуго Динглера

Доклад на семинаре в Красновидове 8–11 сентября 2000 г.

Гуго Динглер в своих исследованиях исходит из ситуации кризиса (крушения) науки, усматривая его причины в отрыве понятий от действительности. Как и Гуссерль, он занят поисками подлинного основания, в которых руководствуется процедурой «эпохэ», ведущей к нулевой точке (Nullpunkt). Возводимая заново «система чистого синтеза» является абсолютно недогматической; она весьма серьезно ограничивает чистое описание и чистую теорию, основываясь на практической укорененности человека в мире. Новый проект реконструкции оснований точных наук исходит из «нового» понимания априори, которое сближается с практической сферой.

I. Априоризм Канта и априоризм Динглера

Своеобразие трансцендентализма Канта состоит в том, что от чего-то уже данного, уже наличного, не представляющего в смысле своей значимости проблемы, совершается движение вспять, объясняющее, *почему* это необходимо. Это движение (*трансцендентальной*) реконструкции. Его конечным результатом является открытие «условий возможности». В «Критике чистого разума» Кант исходит из того, что 1) имеются положения, необходимые для мысли; они являются априорными; и 2) опыт никогда не дает своим суждениям истинной или строгой всеобщности, но сообщает им только условную и относительную всеобщность (посредством индукции). Стало быть, необходимость и строгая всеобщность суть верные признаки априорного знания. И далее Кант утверждает, что найти (стоит только поискать!) эти чистые априорные суждения совсем просто — например, указать на все положения математики или положения естествознания. Поэтому первыми вопросами Канта, определяющими ход мыслей «Критики чистого разума», являются вопросы об обосновании наук: «*Как возможна чистая математика?*» и «*Как возможно чистое естествознание?*».

Итак, средоточие вопросов КЧР и, в частности, «Пролегомен» таково: *как* можно объяснить знание человеком (изначально) достоверной истины математики и естествознания, иначе говоря, начал евклидовой геометрии и ньютоновской механики. Задавая свой «трансцендентальный вопрос», Кант желает *прояснить* познание, отыскивая его априорную основу, которая лежит глубоко скрытою, но должна открыться через свои проявления, если только проследить их вплоть до первых начал (Пролегомены, § 6). Основное различие Канта формулируется так: хотя все наше познание начинается с опыта, однако оно не целиком происходит из опыта (Введение к КЧР).

Помимо опыта необходимы независимые от опыта, делающие его возможным «формы» (чистое созерцание времени и пространства, а также категории).

Проблемой «нового априори» Динглер специально занимается в своей центральной систематической работе «Эксперимент. Его сущность и история» (1928). Касаясь «чистого созерцания», Динглер утверждает, что у Канта оно «должно дать абсолютно точное познание эмпирических отношений, как оно присутствует, например, в геометрии. Как в свою очередь может быть обосновано это учение, — для Канта более не проблема. Сами его допущения остаются проблематичными [...] Следовательно, в том, что касается последней значимости, Канта следует назвать догматиком. Что касается последней значимости, то Кант не дошел до последнего основания» (Metaphysik, 278 ff.).

Лишь благодаря тому, что Кант, грубо говоря, приводит в «одно и то же место» формирующую деятельность духа и данное (das Gegebene), которое подлежит оформлению, а именно, благодаря тому, что реальность в качестве явления входит в дух (а вещь сама по себе остается, так сказать, «снаружи»), он способен представить себе возможность непосредственного воздействия априорной формы на данное. Лишь так он может продемонстрировать то, что опыт соотносится с нашими априорными законами, ибо в действительности результат воздействия есть явление; и поскольку последнее встречается с априорными формами, так сказать, в одном и том же месте, то такое воздействие является чем-то вполне представимым.

В своей критике Канта Динглер останавливается на «априорных законах» (речь идет о законах геометрии, времени, кинематики и чистого естествознания) и обходит вниманием параграфы КЧР, где исследуются остальные априорные формы, а именно, область трансцендентальной логики (поскольку, по Динглеру, они не попадают в сферу априорных законов).

[...] Тем геометрическим образованиям (ради простоты мы ограничились лишь примером с геометрией, но аналогичные тому интерпретации, естественным образом, имеют силу и по отношению к учению о времени и «чистому» естествознанию), которые Кант, не уточняя, рассматривал как данные формы нашего чистого созерцания, мы даем дефиниции, пользуясь определенными (ранее — бессознательными) требованиями. Далее, связь этих определений с реальностью осуществляется не так, как у Канта, где материал переживания, или «явление», смещается в непосредственную близость к якобы чистому созерцанию, а так, что мы, в силу нашей непосредственной связанности с реальностью, (нашими руками) непосредственно изготавливаем в реальности такие формы, которые соответствуют нашим определениям.

Ясно следующее: на этом пути осуществляется подлинное «априори», правда, совсем иное по способу своего устройства, нежели у Канта. Ибо в нашем случае вся совокупность свойств этих фигур (плоскость, прямая, твердое тело = аксиома о параллельных и вся геометрия) констатируется до направленного на них «опыта», т. е. исходя из дефиниции этих образований (Gebilde), которая дается нами самими заранее (пусть это будет бессознательно, как раньше, или же сознательно, по результатам этой книги). Тогда этот вид априори не есть уже нечто непредставимое или непроясненное в своей сущности (как то было у Канта).

Ведь в тех случаях, когда я способен изготавливать предметы по образованному мной заранее плану, этот вид априори всплывает всегда. Когда мастер строит дом по определенному плану, он в состоянии предсказать на основании своего плана свойства дома. То же применимо и к технику, который строит машину или мост, или к политику, который, обладая властью, организует определенное законодательство или форму экономики.

Отныне этот вид априори ни в кого не сможет вселить страх: ведь мы постоянно применяем его в повседневной жизни.

Это новый вид априори, который мы, как кажется, с полным успехом смогли применить в этой книге вместо его кантовской разновидности. Этот вид можно было бы назвать особым именем «дефиниционного априори» или [...] «априори изготовления» (Herstellungsapriori).

Далее следует провозглашение определенной программы:

Пришло время повсеместно освободиться от позиции чистого описания и обратиться наконец к фундаментальному значению «точки зрения изготовления».

Для лучшего понимания этой разновидности «априори» можно представить геометрические формы как «цели для специальных действий» (Ziele für Zweckhandlungen). В этом смысле можно сказать, что Динглер идет дальше Канта, у которого сами априорные формы чувственности и рассудка, целиком и полностью оправданные как условия возможности точного естествознания, остаются непроясненными как заложенные в субъекте в готовом виде. Здесь же априорные «элементарные формы», понятые как дефиниции (т. е. отграниченные посредством определения, definitio), выступают в роли «требований», реализуемых нами в действительности. Таким образом, это отношение ставится на более широкий фундамент действия (Handeln), что в конечном счете и позволяет привести в соприкосновение сферы «чистого» и «эмпирического».

Динглер различает априори в несобственном и собственном смысле. Первое обычно представляется как «мыслительное априори» (Denkapriori). В таком

случае, основывающиеся на нем «идеальные науки» (арифметика, геометрия, хронометрия и кинематика с механикой) будут являться продуктами мысли. Априори в собственном смысле — это априори для действительности, т. е. «реальное априори» (Realapriori).

Свое отношение к Канту Динглер формулирует и в другом месте. «Для Канта быть а priori значит оказывать формирующее воздействие на феномены, быть условием возможности опыта. Но у Канта отсутствует абсолютное доказательство для его утверждений. Для него они, так сказать, психологические гипотезы.

В этом отношении ситуация с нашей системой (Aufbau) совершенно иная. У нас формы идеальных наук [...] не наличествуют в природе как всеобщие законы. Напротив, эти формы „реализуются“ нами самими, т. е. мы сами изготавливаем эти формы» (Die Ergreifung des Wirklichen, 47 ff.).

II. Метафизические выводы из концепции «нового априори»

Согласно Динглеру, высказывания о геометрических образованиях являются для Канта всегда суждениями о данном, и прежде всего — умственно данным, которое в то же время — что как раз характерно для него — есть и реально данное...

В случае Канта встает вопрос, почему мы, «всматривая» геометрию в реальность, не вкладываем ее туда с абсолютной точностью, но всегда обременяем ее неточностями конкретного измерительного процесса. У Платона идеальные геометрические понятия существуют сами по себе, а какие-нибудь реальные образования, подпадающие под определенное понятие, связаны с ними через «причастие» (metechein) (Arist. Metaph. I. 987b). Однако у этих философов высказывания о геометрическом всегда становятся высказываниями о чем-то (каким-то образом) сузем. [...]

В основании всех этих точек зрения, равно как и теоретической физики, лежит мысль, заключающаяся в том, что геометрические понятия являются представлениями, например, для прояснения и представления реальности.

В нашем же случае отношения таковы, что, к примеру, плоскость не является простым представлением, а также не обладает непосредственным эмпирическим бытием. Скорее она есть, так сказать, «цель действий», не смысл, а долженствующее-быть (Sein-Sollendes), предмет стремления (Anzustrebendes), изготавливаемый нашими руками, или же — если он уже где-то наличествует в реальности — узнаваемый в качестве соответствующего нашим дефинициям.

Итак, можно было бы с уверенностью сказать, что она идея, которой в большей или меньшей степени соответствуют реальные объекты. Только у

нас эти понятия не являются догмами, как [...] правильно полагает Файхингер; они не могут быть ими, так как никоим образом не сводятся к утверждениям о бытии (что для эмпирика кажется само собой разумеющимся), а к дефинициям, и притом таким, которые из прагматических оснований производят в реальности однозначно воспроизводимые формы.

Стало быть, можно с полным правом утверждать, что едва ли какой-то предмет (в смысле Мейнонга) мог бы более полно отвечать понятию идеи, чем наши элементарные формы, соответствующие такому пониманию этого понятия, какое имплицитно присутствовало у Платона и в более позднее время развивалось значительнейшими мыслителями (в особенности, Кантом)».

Итак, Динглер предлагает называть свои геометрические формы не чистыми формами мысли и не чистыми реальными формами, а «практическими» или «целевыми формами», «энтелехиями».

Благодаря такому пониманию иначе осмысливается задача науки. Речь уже не идет о получении «законов природы» в старом смысле, т. е. об извлечении вечных аподиктических, нагруженных необходимостью законов. Ученый занят тем, чтобы «получить в руки» реальные отношения, конструируя их из воспроизводимых элементов и ограничивая (дефинируя) их настолько, чтобы иметь возможность однозначно изменять эти отношения и благодаря этому овладеть ими. Иными словами, разрушается старое магическое представление о наличии некой потусторонней сущности под названием «природа», якобы отвечающей исследователю на его вопросы. Она подвергается жесточайшей критике под именем «машины мира». И здесь Динглеру удается *наиболее последовательно сформулировать и разработать первоначальный смысл новоевропейского естествознания, основанный на метафизике господствующего субъекта.*

В сознании современных ученых, как правило, происходит разделение между незаинтересованным исследованием, чистой теорией и практико-техническим применением ее результатов. В системно-функционалистских рамках теории также сохраняется различие между «чистой» и «прикладной» наукой. Под наукой понимается сложная система, черпающая свои inputs из предметного мира и превращающая их в outputs, полезные с прикладной точки зрения. Концепция «нового априори» и вырастающая из него программа делает такой образ функционирования научного знания весьма проблематичным. Ведь вопрос, почему наука стала столь успешной именно в техническом отношении, нельзя разрешить в рамках подобного функционалистского подхода. В Новое время связь между наукой и техническим господством над природой является необходимой, при том что техника и проясняющая ее метафизика предшествуют научному познанию

окружающего мира. Высказывания отцов новоевропейского естествознания явным образом свидетельствуют о задачах науки как грандиозного человеческого предприятия. Для Бэкона природа есть «*regnum hominis*», Декарт именует человека «*maotres et posseseurs de la nature*», Гоббс высказывается о науке как о разновидности основной антропологической категории власти: «*scientia propter potentiam*». И современная теория науки, похоже, упускает из виду центральную методическую проблему: *как следует строить науку на основании активного, стремящегося к овладению природой субъекта.*

С этой точки зрения, «методическая философия» Динглера представляет собой полезный вклад в разрешение этого вопроса. *Реконструкция оснований точного естествознания, проводимая Динглером, способна показать, что такое нововременное предприятие, как экспериментальное естествознание, является упорядоченно-прагматическим овладением действительностью, исходящим из «воли к однозначности» и оперирующей элементарными дефинициями.*

III. Развитие концепции «нового априори» в позднейшей теории науки: раскрытие смысла «нового априори» как «априори жизненного мира».

Итак, Динглер вслед за Кантом предпринимает попытку априорного обоснования науки. Согласно его «критическому волюнтаризму» или «оперативизму» (так Динглер обозначает свой проект), первые общие положения точных наук должны полагаться и удостоверяться в своей значимости в соответствии с «волей к однозначности», волей к построению науки как «овладения действительным». Геометрические аксиомы должны логически выводиться из описания «идей», которые в качестве идеальных представлений цели руководят изготовлением телесных форм, например, плоских поверхностей и, наконец, твердых измерительных приборов. Роль своеобразного индикатора этих изменившихся отношений играет понятие «априори изготовления», которое у последователей Динглера истолковывается как «априори жизненного мира».

Оперативная или конструктивная теория точных наук вводит новое методически ориентированное понимание синтетического априори, которое Кант понимал как основную предпосылку математически сформулированной эмпирической физики. Физическую эмпирию делают возможной «синтетические части» точных наук: математика, выводимая из конструктивной арифметики и теория идеальных форм, обосновывающая измерения длины, времени, массы (неэмпирическая теория измерения). Таким образом, в логике, математике, геометрии, кинематике происходит разработка оперативных моделей, занимающих место аксиоматического метода. Результатом является всеобщая программа «конструктивного метода», требующая сведения наук как дистилляции повседневной практики

к «жизненному миру» (ср. проекты Дильтея и Гуссерля).

Линию Динглера во многом продолжает Эрлангенская школа конструктивистов (Лоренцен, Яних).

Юрген Миттельштрасс, симпатизирующий конструктивистам, показал, что «априори жизненного мира» складывается из «априори различения» (предикация, различение) и «априори изготовления» (протофизика) и обозначает генетическое (логико-методологическое) начало любого последовательного построения точной науки (динглеровская «система»). В любой практике всегда уже содержится «эмпирическое априори» (дотеоретическое умение различать), равно как и донаучное умение изготавливать. Его нормированная артикуляция является условием изготовления измерительных приборов («протофизическое априори»). Иначе говоря, донаучный опыт используется для изготовления естественнонаучных измерительных и экспериментальных приборов, равно как и для оперативного обращения со знаками в математике. Так образуется *опытное априори* (Erfahrungsapriori).

Динглеровский проект реконструкции точной науки находится в одном русле с значительными философскими попытками 20–30-х гг., нацеленными на возвращение к истокам и новое обоснование (Neugründung) теоретического знания (Гуссерль, Хайдеггер). Характерно для Динглера и полемическое размежевание с неокантианством (Кассирер, «Понятие субстанции и понятие функции»), выступавшим под именем «эмпирического матричного априоризма». В этом смысле представляется вполне обоснованным сопоставление «нового априори» с «жизненным миром» из «Кризиса европейских наук». Тогда «новое априори» выступает как некий «методический» эквивалент сформулированного Гуссерлем отношения между дотеоретическим и теоретическим «опытным разумом» (Erfahrungsvernunft), а выражение «жизненный мир» обозначает трансцендентально-методический базис конструктивной теории обоснования и совпадает по смыслу с термином донаучный.

Источники:

Динглер Г. Эксперимент. Его сущность и история // ВФ 1997, №12.

Dingler H. Der Zusammenbruch der Wissenschaft und der Primat der Philosophie. Мюнхен, 1926.

Metaphysik als Wissenschaft vom Letzten. Мюнхен, 1929.

Die Grundlagen der Geometrie. Stuttgart, 1933.

Die Methode der Physik. Мюнхен, 1938.

Die Ergreifung des Wirklichen. Hrsg. W. Krampf. Мюнхен, 1955.

Aufbau der Exakten Fundamentalwissenschaft. Hrsg. P. Lorenzen. München, 1964.

Aufsätze zur Methodik. Hrsg. U. Weiss. Hamburg, 1987.

Литература:

Динглер Г. Современная западная философия: Словарь (сост. В.С. Малахов, В.П. Филатов). 2-е изд., переработанное и дополненное. М., 1998.

Динглер Г. Новая философская энциклопедия: В 4-х тт. М., 2000. Т. 2.

Lorenz K., Mittelstraß J. Die Methodische Philosophie Hugo Dinglers // Hugo Dingler. Die Ergreifung des Wirklichen. Kap. I–IV. Frankfurt, 1969. S. 7–55.

Sanborn H. C. Dingler's Methodical Philosophy // Methodos 4 (1952). P. 191–220.

Weiss U. Hugo Dinglers methodische Philosophie. Mannheim, 1990.

Willer J. Relativität und Eindeutigkeit. Hugo Dinglers Beitrag zur Begründungsproblematik. Meisenheim, 1973.

— Methodische Philosophie und konstruktive Logik. Bemerkungen zu den Begründungsentwürfen von Hugo Dingler und Paul Lorenzen // Kant-St. 64 (1973). P. 497–508.